

МЕТЫ И ЗВУК ЕВГЕНИЯ ХАРИТОНОВА.

Поэзия всегда идет проселочной дорогой и появляется с черного хода. Мы ждем на главном проспекте, предчувствуя по приметам и представляя её облик; она же подчас приходит незамеченной, совсем не такой, какой её ждали. В истории литературы бывают моменты, когда кажется очевидным - какими должны быть хорошие стихи. В наше время - постепенной реабилитации Серебряного века русской поэзии - на это, вроде бы, есть все основания. Хотелось, что путь неподданурной поэзии освещают три путеводные звезды. Многие молодые стихотворцы ощущают блаженное влияние еврейского косноязычия Пастернака и Мандельштама; крикливой шелковой романтики Цветаевой, которая внесла в русский стих разноцветные слезы и причитания; ждут своего настоящего прочтения до сих пор недооцененные Ходасевич и Кузмин. Как всегда русская поэзия прислушивается к европейскому пульсу: аритмия Дилана Томаса и интеллектуальный аристократизм Т. С. Элиота, сердечные припадки американского верлибра дают себя знать на звучащей кардиограмме. Третья путеводная звезда, с которой сверяет курс современная русская поэзия: серьезное шутство обернутов. Чем дальше, тем острее влияние почти неизвестных широкому читателю Введенского и Хармса; в меньшей степени - Вагинова и Слейникова. Советский период русской поэзии немислим без абсурда, внесенного на матерчатых носилках в центр поэтической строки, без пузырьков воздуха в спинном мозге поэтического слова, без мистификации, воспринимаемой как прием, но прожитой в действительности. Маска бурлеска на лице искреннего несчастья: таковы приметы умиравшего эллинизма /акмеизма/ и нового интеллигентного варварства /пост-обернуты/. Судорожная гримаса поэтической насмешки при соприкосновении с сакральными предметами и понятиями; вот почти обязательная приправа, следствие производного водораздела в жизни и в искусстве.

Как и любой читатель, я считал, что "знаю" - каким должен быть настоящий стих. Плотная, без пустот и межпозвоночной ваты, поэтическая строка; звенящий хрустальным боем словесный образ;

своя собственная, авторская поэтическая интенция - легкая рельефная змья на водной поверхности. Читателю русской поэзии XX века трудно прочесть стихи Харитонова и не удивиться. Действительно: они производят странное впечатление. Вместо плотной, как струя, поэтической речи - мягкая, точно пуховая подушка, строка. Не освященные поэзией разговорные слова падают свободно, словно идущий снег. Уже напряженно идет звонких и остроумных метафор - вместо них: инфантильная скороговорка, поток сознания внешне ничем не примечательного рефлексивного ума. А может, и не ума - а недоумка. Роман Пастернака кончается стихами, которые якобы написал главный герой, доктор Зиваго. Читая стихотворные тексты из сборника "Мысли и звуки", внезапно пришло в голову, что их мог бы написать герой другого романа: благородный идиотик из "Июль дураков" Савы Соколова. Возможно, причина странного воздействия текстов Харитонова - в интенциональной новизне и внутренней психологичности. Вдруг оказывается, что все имеющиеся в наличии поэтические оценки для анализа читаемых стихов не годятся: по сути дела стихотворные тексты из "Мысли и звуки" / так же, кстати, назывался и I-й сборник стихов Некрасова, им самолично уничтоженный / - это психологические портреты лиц не похожих не только на автора, но и, что самое главное, на знакомых лирических героев из собрания русской поэтической словесности. Вместо собранного в кулак, самодостаточного авторского мировоззрения - внутренние монологи чьего-то близких, а чьего-то далеких друг другу персонажей, объединенных мастишкой поэтического пристрастия. Психологическая характеристика поэтической речи была, например, у Шекспира: в русском стихе этого не было. Уже предвижу недоуменное восклицание: как - не было? А Баратынский, Тютчев, наконец, Ахматова? "Я на правую руку одела перчатку с левой руки"? Но если это и психология, то авторского, лирического "я". Все маски и яки Зюка или Цветаевой - это тот же переселенный поэт - мгновенные фотографии души, снятые с разных точек, - но поэт один и тот же: гордый, умный, красивый, возвышающийся над толпой. Читатель русской поэзии привык, что, так или иначе, мировоззрение лирического героя пытается, как объятие, замкнуть весь мир: для него характерна дальновидность, а не близорукость. Сеть пленительных мелочей в русскоязычном

стихе никогда не случайна: сквозь неё просвечивает истина. Поэзия — как животворение — озвучивала души благородные и возвышенные, чувствительные и наблюдательные. Для многих поэзия становилась как бы преградой-наоборот: в неё могли войти только те, у кого дух был высокого роста. Все мелко-травчатое или рядом, мимо, проходило сквозь поэзию, как игла сквозь воду, не оставляя следа. Поэт Харитонов попытался "вочеловечить" душу кретина, недораста, поэтически "мелкого" человечка, и... о, чудо! — поэзия состоялась.

Не все стихотворные тексты из сборника могут быть близки читателю одинаково. Авторские и читательские представления о "прекрасном" никогда не совпадают полностью, а лишь находят друг на друга, как поля пашто. Внешне стих Харитонova — это отраженный внутренний монолог, рефлексирующий поток сознания, отпечаток на чувствительной поэтической пластине. Структурно-образующих приемов стихосложения немного; но даже наиболее выделяющийся из них повтор — оказывается психологически мотивированным.

Это и залобно-плаксивое, напряженное переоснаивание:

Когда вас ждать? всегда вас ждать
или совсем не ждать? — Нет, ждать. —
Нае, ждать или не е т, ждать? Да, ждать;
и ждать, и ждать, — и только ждать. —
А не дожидаться? — Только ждать.

и перечисление — регистрация вроде бы случайных впечатлений в /возможно, наиболее сильном/ стихотворении "Слава Богу":

Строчки:

Слава Богу, Бога нет. —
Слава Богу, есть опять —

внезапно вызывает ассоциативный укол узнавания. Даже не строчки, а скорее, — некоторая прорезь между ними, бритвенное лезвие пустоты, точка отсутствия. Внезапно — "вспоминаешь".

Вспоминается точно такое же ощущение от другого четверостишия:

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя, —
зел жизни, в котором мы узнаны
и развязаны для бытия?

Именно эта болевая точка, беззащитное "солнечное сияние" немой истины, столь точно нацупанное Мандельштамом, неожиданно совпала с началом координат совсем другой поэтической системы. Кажется, потянешь за этот уголок — и всё, весь мир вывернется наизнанку.

Слава Богу, Бога нет.
Слава Богу, есть сиять.

Это не рассудочное перечисление, мажорнистское наименование. Это гениальная "случайность" - неповторимая и необъяснимая, как поэзия. Поэзия, которая появляется нигде, на какое-то мгновение - задержка дыхания, перебой пульса, - и уходит в никуда. Было, не было: кто знает?

Трудно да и, пожалуй, не нужно ранжировать литературу и литераторов: возводить заведомо субъективную пирамиду оценок. Для меня, как читателя, стихи Харитонова - настоящие; не думаю, что здесь нужны ещё какие-нибудь эпитеты. И хотя Харитонов поэтически не одинок /существует определенная традиция "московской" поэзии в лице Э. Лимонова, В. Некрасова, Д. Пригова/ - вряд ли его стихи легко привлекут внимание не только массового читателя /для этого в них мало даже явной "поэтичности"/, но и читателя "умного": слишком они неожиданны для русского уха и глаза.